

Названия конкретных фаз суточного периода могут соотноситься с этапами жизненного пути человека. Субstantивом **день** называют саму жизнь человека [т. 1, с. 38].

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
(Н. Некрасов. Нине).

Слова **заря** [т. 1, с. 568], **рассвет** [т. 3, с. 661], **утро** [т. 4, с. 536] говорят о начальном периоде жизни, детстве и юности:

На заре туманной юности
Я милую.
(М. Колюпов. Разлука);

Он мне единой посвятил Всей душой любил
Рассвет печальный жизни бурной.
(А. С. Пушкин. Евгений Онегин);

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна вы,
И богом для людей.
(М. Цветаева. Байрону)

Середину жизненного пути, конец молодости может характеризовать субstantив **полдень** [т. 3, с. 255]:

Так **полдень** мой настал и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя.

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Жизненная зрелость ассоциируется с **вечером** жизни [т. 1, с. 159]:

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой.

(Ф. И. Тютчев. Памяти В. А. Жуковского).

Подобно солнцу, которое заходит за линию горизонта, наступает исход и человеческой жизни – **закат** [т. 1, с. 525]:

И может быть – на мой **закат** печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

(А. С. Пушкин. Элегия).

Таким образом, практически все полисеманты с первичным временным значением метафоризируются, соотносятся с различными этапами экзистенции человека. Такие метафоры общеупотребительны, фиксируются словарями, широко используются в языке художественной литературы и в речевой практике.

Н. В. Жданович (Минск)

ЭПИТЕТ В СИСТЕМЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Эпитет был известен уже в античности, и с тех пор неоднократно становился предметом исследования. Теория эпитета зародилась в недрах эллинистической римской риторической системы, а затем продолжила свое развитие в различных риториках и поэтиках. Однако, несмотря на значительность накопленного теоретического

и практического материала, статус эпитета в системе тропов и фигур остается неопределенным.

И понятие «тропов», и понятие «фигур речи» восходит к терминам античной стилистики, и уже в античной теории определения их сущности относятся к числу наиболее спорных вопросов. Характерным свойством тропов, согласно античным теоретикам, является «отказ от обычного значения слов и сопровождаемый некоторой приятностью переход речи к иносказанию» (Риторика к Гереннию), когда путем видоизменения или замены одного слова другим то же самое понятие выражается красивее, <...> когда сказанное понимается не на основании буквального значения отдельных слов, а по общему смыслу» (Цицерон) [1, с. 228]. Исследователи древности оценивали тропы не абстрактно, а с точки зрения их применения в риторических или поэтических жанрах. Перенос имел место тогда, когда была необходимость наглядно представить предмет, для краткости речи, во избежание непристойности, для возвеличения предмета либо для его умаления, но в первую очередь – для его украшения [1, с. 229]. Подобное отношение к тропам было характерно и для старой санскритской поэтики: они осознавались как «нечто естественное, извне привнесенное и искусственное» [5, с. 520].

В. Н. Топоров отмечает, что исследования поэтики архаичных традиций оказывают прагматическую направленность поэта на создание так называемой «кривой» речи. Этот процесс «деформации» осуществляется не только благодаря речевому употреблению слов, но и благодаря варьированию различных форм выражения одного и того же содержания, то есть посредством фигур.

Сам термин «фигура» появился в античной риторике и понимался не только как «вид построения речи» (Деметрий), но и как средство изменения смысла, отклонения от нормы, способствующее «услаждению слуха» (Афиней из Навкратиса, Аполлоний Молон, Цецилий, Геродиан). Таким образом, сложилось двойное представление о сущности фигуры: с одной стороны, фигура определялась «как и всякая форма, в которой выражена мысль», но с другой – «как сознательное отклонение в мысли или в выражении от обыденной и простой формы» [5, с. 542].

Соотнесенность фигур речи с парадигматикой (выбор слов) и синтагматикой (распределение слов в речевой цепи), стилистическая маркированность и подчеркнутая деформация реальных связей языковых единиц объединяют их с тропами на основе общности функций. В результате этого осложняется возможность исчерпывающего определения и классификации как тропических структур, так и фигур речи. В ряде случаев уже античные теоретики испытывали затруднения при систематизации известных им сочетаний слов и оборотов речи: они колебались, куда отнести тот или иной оборот – к тропам или к фигурам речи. Скажем, Цицерон считал перифразу фигурой, в то время как Квинтилиан относит ее к тропам. Подобные сомнения вызывали эпитеты и сравнения, поскольку, в отличие от основных и «бесспорных» тропов – метафоры, метонимии, синекдохи – они строились на обогащении неизменного основного значения слова путем раскрытия в нем новых дополнительных значений (со- значений). Квинтилиан считал, что во многих случаях тропы (за исключением метафоры, метонимии, синекдохи, перифразы и некоторых других) касаются уже не значения слов и

употребляются не для обогащения речи, а для ее украшения [1, с. 237], и приводят к качеству примера эпитет.

Двойственность природы многих тропов, возможность употребления слов прямо и переносном смысле, возможность слияния (стечения) тропических выражений способствовали закреплению такой точки зрения, согласно которой тропы рассматривались как обороты (или фигуры в широком смысле) выполняющие риторическую и орнаментальную функции. Такой подход прослеживается не только у теоретиков древности, но и у теоретиков Ренессанса. Просвещения, вплоть до исследователей нашего столетия.

В стилистике XIX–XX вв. неоднократно появлялись работы, в которых принимались попытки дать психологическое или философское объяснение тропам, обосновать различие между ними и фигурами речи. Так, немецкий исследователь Я. Ваккернагель пытался найти различие между тропами и фигурами как между более или менее совершенными формами «чувственного воззрения»; в свою очередь Т. Фишер противопоставлял тропы как «средства наглядности» («Mittel der Anschaulichung») фигурам как «средствам настроения» («Mittel der Stimmung») [5].

На лингвистических основах строилась концепция Герберера относительно разграничения тропов и фигур: первые противопоставлялись вторым как «стилистические явления в области смысловой стороны языка», в то время как фигуры речи представляли собой использование синтактико-грамматического строя языка в стилистических целях. Подобной точки зрения придерживался и А.А.Потебня, связывая только тропы с кругом семантических явлений [4].

В течение многих столетий изучение феномена образности не выходило за статистического модуса, ориентированного не на сущность явления, а на его «оперативный» характер. Только в новом научном контексте центр внимания исследователей был перенесен на изучение образных средств в динамическом аспекте, то есть с точки зрения того, как формируется образность, за счет чего и с помощью каких механизмов.

Согласно определению П. Шофера и Д. Райса, троп стал пониматься как «семантическая транспозиция от наличного знака (знака in praesentia) к знаменитому отсутствующему (in absentia), которая 1) основана на восприятии связи между одной и более семантическими чертами каждого из означаемых, 2) маркирована семантической несовместимостью микроконтекста и макроконтекста, 3) мотивирована референционной связью подобия, или причинности, или включения, или противоположения» [5, с. 520]. Как видим, современная теория тропов предполагает, с одной стороны, их лингвистическую мотивированность (способность языка порождать тропы никогда не отрицалась, но явно недооценивалась), с другой стороны, включает тропы в сферу мыслительных процессов человека. Это положение дает основание рассматривать тропы как иерархически организованную систему (по В.Н. Топорову), элементы которой находятся в тесной взаимосвязи, порой неотделимы друг от друга. В лингвистике возникло понятие «обратимости тропов» [3, с. 215] и, как следствие, появилась возможность говорить о существовании так называемого пространства как внутри тропической системы, так между самими системами тропов и фигур.

Не только тропы, но и фигуры речи в значительной степени обуславливают принципы преобразования языкового материала и предопределяют в ряде случаев выбор субъективного отношения автора к описываемой в тексте объективной действительности. Ведущая роль семантики при относительности синтаксической структуры по сути дела снимает традиционное противопоставление этих двух систем, обнаруживающих некие «промежуточные формы смешанного происхождения» [5, с. 521].

Связь тропов с фигурами речи исходит из того, что они являются категориями одной и той же сферы – сферы художественного познания. Безусловно, между ними есть различия, и заключаются они в следующем: троп, предполагая употребление слов в переносном значении, представляет собой не только средство создания образности, но и особый способ мышления, в то время как фигура речи является формой художественного выражения. Провести грань между содержанием формой практически невозможно, следовательно, нельзя говорить об абсолютной противопоставленности тропа и фигуры.

Эпитет в системе изобразительно-выразительных средств занимает особое, промежуточное место, поскольку одни типы эпитетов (метафорический, метонимический: *сладкий страх, обманутые очи*) можно отнести к тропам, другие же вполне уместно рассматривать как фигуры речи (эпитет-оксюморон *жиздительное разрушение*) или же так называемый «перенесенный» эпитет [2, с. 147], возникающий вследствие логико-синтаксической трансформации и определения не одного слова, с которым он соотносится по смыслу: *во взорах пламень томный, томный пламень сих очей* – ср.: *томный взор, томные очи*). Кроме этого существуют также образные определения с прямым значением и обычной лексико-синтаксической сочетаемостью, которые при подобной дифференциации невозможно было бы вообще квалифицировать как эпитеты. Именно поэтому весьма целесообразным является использование термина эпитет, который как бы нивелирует противопоставление «средств изображения» «формам выражения», ибо его основное предназначение – быть определением в его образной, эстетической функции вне зависимости от того, какими способами эта образность создается.

Литература

1. Античные теории языка и стиля. – СПб., 1996.
2. Васильева Н.В., Виноградов В.Н., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М., 1995.
3. Кожевникова Н.А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика: Сб. ст. / Отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1979. – С. 215–224.
4. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990.
5. Языковедение. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. 1998.